

Вырезка из газеты
ЗАКАРПАТСКАЯ
ПРАВДА

г. Ужгород

18 ДЕК 1983

◆ О НОВЫХ КНИГАХ

2207

НЕ ОТВЕТ – ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

К ОГДА Я ДУМАЛ, как короче передать поэтическую суть новой книги Феликса Кривина «Круги на песке», то остановился на этих двух однокоренных словах – ответ и ответственность. Корень у них один, но означают они далеко не одно и то же. Как один корень у всего сущего на земле, так у каждой конкретной жизни своя особая ноша, своя особая причастность к вечно умирающим и рождающимся заново дням и ночам. И нет нигде однозначной истины, и ни наука, ни поэзия не могут нам раз и навсегда исчерпывающе ответить ни на один вопрос...

Они не способны ответить на вечные проблемы жизни.

Но способны за них ответить.

Прошу простить, что позво-лил себе поиграть словом, – это лишь потому, что и автор книги стихов «Круги на песке» не прочь поиграть словом, но это не филологические упражнения бывалого мастера, который хотел бы позабыть нас фокусами; это взрослая игра с самим огнем слова, которое обернулось бы жестокими ожогами души, если бы поэт забыл на мгновение, что для него слово – работа, которая издали и вправду кажется притягательной игрой чувств и мыслей, а в действительности –

Натянута струна,

Плита раскалена,

Так каждый, кто при деле,

Быть должен на пределе.

Каково же дело у поэта на этой земле?

Феликс Кривин предлагает нам новую азбуку – «Азбуку таланта». Она совсем короткая, чтобы ее запомнить, – всего-навсего из шести букв. Так прочитаем же и запомним:

Не знает легкой участи ТАЛАНТ.

Когда ТАЛАНТ, в работе он – АТЛАНТ.

Когда же спадает Творческий накал,

Он мучится, страдает,

Он – ТАНТАЛ.

Из тех же бунов,

Из тех же самых букв

Он создан для работы

и для мук.

Словом, поэт попытался ответить на вопрос, что такое талант.

А нашел не столько ответ,

сколько ответственность.

Огромна ответственность у атлантов: держать на себе не-босвод. И если они в какое-то мгновение не в силах удержать свое небесное бремя, принятное на плечи добровольно, их ждет одна судьба – Тантала, который, разгласив высокие тайны, обрек себя на жестокую кару: стоя по щею в воде, мучиться от жажды, ибо вода отступит, как только он наклонится, чтобы напиться; над ним изобилие спелых плодов, но и до них не дотянутся.

Талант – это всегда бремя.

И неутоленная жажда. И не-утоленный голод. Но без таланта человечеству не обойтись. И не надо его жалеть, ибо все равно сам он, если подлинный, себя не пожалеет.

Древнегреческие мифические герои, да и исторические реальные древние греки часто привлекают Феликса Кривина. Нетрудно догадаться, что и само название «Круги на песке» связано с Архимедом, который был уверен, что «...мудрость жива и в зыбучих песках, А глупость мертвя и в грани-цах».

Нашим предшественникам, древним и недавним, рожденным землей и рожденным фантазией, Феликс Кривин дает труднейшие современные обязанности, как нам – обязанности будущего. И не от реальности бежит он в сказку, а сказку привносит в живую жизнь, и нет для него на свете слабых и беспомощных. У каждого есть путь от Вопроса к Ответу, но опять-таки все сводится к от-

ветственности. И на жизненном корабле, плывущем от Загадки к Разгадке, от Безумия к Мысли, от Случайности к Сущности, толпятся люди, презрев рифы, бури и подстерегающие их бездны. Но плывет с ними и человек, не верящий в чудо, – вот почему:

Если где-то они затонут,
Если к цели они не прибудут,
Это значит, окрыл кингстоны
Человек, отвергающий чудо.

О ДИН ИЗ РАЗДЕЛОВ книги называется «Все неживое хочет жить». Для поэта во всем заложены зачатки жизни, а потому нам нет оправданий, когда мы ищем покоя, ибо это означает добровольное умирание. Время не стоит на месте, поэтому мы, остановившись на какой-то до-

стигнутой точке, неминуемо осталяем вне времени, а значит – вне жизни. Да, человеческие

сердца утомляются и часто мечтают о покое. «Но каменеют лучшие сердца. Когда они в покое пребывают. А камни под ударами резца И красоту, и душу обретают».

Феликса Кривина мы знаем как художника, который всегда действовал в согласии с наукой и даже перевел немало фактов науки и ее формул на образный язык художественного мицранда. Выверена наука и книга «Круги на песке» – об этом свидетельствует само название.

И вообще поэт любит прорыгивать с наукой поэтические опыты.

Что же это за поэтические опыты и ради чего?

История дает нам достоверный факт о реформе календаря в 1582 году, когда октябрьские дни с пятого по четырнадцатое были, так сказать, ликвидированы. Событие, по правде говоря, для нас не такое и значительное, пока его не исследовал поэт.

И, возможно, в это время пятидесятилетний Монтень хотел передать восемнадцатилетнему Шекспиру кое-что из своих «Опытов», а сорокалетний Эль-Греко хотел нарисовать

портрет двадцатилетнего Бэкона, чтобы оставить будущему

молодость философа, не исключено, что зрелый Джордано

Бруно именно тогда собирался

потолковать с юным Галилеем о кострах, которые озаряют до-

роги человечества, и о тех, кто

восходит на эти костры, о донкихотах – это уже со своим

ровесником Сервантесом. И ни одна из этих встреч не

состоялась, так как дни с пя-

тиго по четырнадцатое октября

были вычеркнуты из календа-

ря.

Не лишенные смысла наблюдения поэта (действительно, сколько братьев по духу в од-

но и то же время живут и дей-

ствуют разрозненно) в стихо-

творении «Реформа календаря» находят неожиданное по-

этическое решение – о цене

времени, которая не всегда

одинакова, – высшая в пору

взлетов гения, когда тратить

попусту время непростительно.

И еще острее, еще прибли-

женнее к нам поэтические опы-

ты Феликса Кривина над «сугу-

бо» числовыми измерениями вре-

мени прозвучали в стихотворе-

нии «Годы жизни Лермонтова» (1814–1841).

Умение выявлять неожидан-

ные связи практически не свя-

занных в жизни явлений – одна из привилегий поэзии пе-

ред наукой. И есть еще одна

привилегия, которая никак не

приумышляет роль науки, по

позволяет поэзии в общении

с ней чувствовать себя не про-

изводной, а самостоятельной

жизненной правдой. Чтобы до-

казать это на примере творче-

ства Кривина, нам придется

обратиться к разделу «Кембери-

ида». Что означает само на-

звание – не станем гадать,

интеллект не поможет, чтобы

тому узнать, придется прочи-

тать раздел.

Произведения эти можно бы-
ло бы назвать баснями, можно
бы – сказками, но в них нет
однозначной морали, присущей
басням, нет окончательной сча-
стливой развязки, присущей
сказкам, ибо тут жизнь – не
позди, она только впереди.

Концовка стихотворения, скажем, о Скреле для меня чита-
ется в контексте с другими произведениями из завершаю-
щего раздела книги «Охраня-
тые памятники будущего!». В
этом разделе есть стихотворе-
ние «Дети играют...». Звучит оно
жестоко, как укрощение сказ-
ки, если воспользоваться вы-
ражением самого автора из
другого произведения. Это сти-
хотворение о детях тех роди-
телей, которые никогда не жи-
ли на свете, – о видах тех,
кто погиб на войне.

Убить жизнь, всего лишь оди-
ну – единственную конкретную
жизнь – означает убить це-
льные поколения жизней, замы-
щенные природой. Последняя
мировая война (верится, что
она действительно последняя!)
уничтожила десятки миллио-
нов только человеческих жиз-
ней.

И от сказочного несуществу-
ющего зверя Скреля недалеко
до грозной реальности, что по-
эт, околдованный чудом, вынужден укротить на
какое-то время сказку, обнажить сердце перед будущим, чем бы оно нам ни угрожало. И все-таки он не оста-
навливается в современности и не зовет вернуться в прош-
лое. Не поддается временной
слабости, так как лишь вера в
будущее и неудержимый полет
ему навстречу творят истину
жизни. Даже несуществующая
птица Флетти, выдуманная по-
этом, способна эту истину творить, если нас ведет, зовет за
собой, лишь бы не раздробить-
ся окончательно, как не раз-
дробляется ее тень на волнах
океана и ветра, ибо жизнь –
бесценный дар, и если она до-
верена именно тебе, принимай
на себя это чудо сполна. Мог-
ло же статься иначе, но был
кто-то такой на свете, кто из
маленького факта сотворил те-
бя судьбу...

И Феликс Кривин предлагает нам факт своей биографии:

Я храню в потрепанном конверте
Документ особого значения.
Старое «Свидетельство

о смерти»

С выцветшей прапорной:

«о рождении».

Поправку сделал добрый че-

ловек, почти бог, работавший

в загсе, и в трудную пору, ко-

гда в учреждении закончились

лимиты на рождение, как гово-

рит поэт, а на смерть лимиты

оставались, «смерть» была

заменена «рождением», траур-

ное слово заменено торжес-

твующим.

Автор стихотворения мог то-

чно так же не родиться, как

не родились дети, которые толь-

ко в наших раздумьях, печали-

х, воображения, случайных

мыслях, играют на улице –

внуки убитых на войне. Но поэт

родился, вырос, и выросла с

ним память – о том, что бы-
ло, и о том даже, чего не бы-
ло, но могло быть.

Память становится его со-

ветчиком. И что же она со-
ветует?

Спроси у времени совета,

Оно тебя не подведет.

Но помни, что часы поэта

должны идти на век вперед.

В поисках будущего поэт

мчится по просторам Сибири,

по современному разгонисто-

му Ялуторовскому шоссе, но

путь его опять-таки начина-

ется с памятью, уже и не со

своей, а народной – с памя-
ти о Сибирском тракте, на кото-

ром Устин Кармелюк встре-
тился как-то с русскими де-

кабристами, с памятью о Мат-

ве Муравьеве и Пушкине, и о

дочери Пугачева – которую

не простили капитан – отец ка-

питанской дочки, некогда от-

пущеной Пугачевым, и о Пе-

стеле – губернаторском сыне, именно о казненном царем Пе-
стеле, а не о его отце, хотя сти-
хотворение и названо «Отец Пе-
стеля»...

РАЗДЕЛ «Сибирский ме-
мориал» – равно как
о современности, так и
о прошлом, и о будущем. И
«машина времени» на этот раз
у Феликса Кривина не фан-
тастическая, а вполне реальная:
самолет АН-24.

Отдельно следует сказать о разделе «Фома Мюнцер». Что касается меня, то это вполне завершенная в смысле поэмы пелостная вещь, которую автор все же не решается называть поэмы и добавляет подзаголовок «Несколько эпизодов Великой Крестьянской войны». Впрочем, это произведение за-
служивает отдельного разгово-
ра.

Поэма занимает около сорока страниц в книге, а в ней – и исторические картины, и конкретные образы борцов за крестьянскую свободу, как и образы душителей свободы, и яростная борьба идей, ведущаяся неустанно из века в век, и никуда от нее не скрыться.

Собственно, это предвидел еще Мюнцер: «О те, которые ус-
покаиваются и ни к чему не стремятся! Этим людям ничем нельзя помочь!»

Но такие люди становятся виновниками многих зол.

И мимо их закрытых дверей и сердец промаршируют по Германии, через почти что четыреста лет, сапоги фашиста.

Поэт видел следы этих сапог. И не в Германии – у себя до-
ма. Пишет он о великом немце Мюнцере и срывается на слове –

Я пишу, хоть немцы не те
Мне запомнились с детства.

Но все равно поэт стремит-
ся в своем сердце навсегда
отделить слово «немец» от
слова «фашист».

Обладает поэма многими дру-
гими идейными оттенками и, конечно, художественными. Но сводятся они, на мой взгляд, к интернационально – поэтичес-
кой трактовке истории, как единственно надежной опо-
ры для будущего.

Следует отметить, что даже в поэме о Мюнцере – произ-
ведении открыто публицистическом во многих моментах – с непосредственностью сверка-
ют на многих страницах искринки счастливого юмора Феликса Кривина.

Тем более это касается дру-
гих четырнадцати разделов.

Помог поэту в самовыраже-
нии, и помог талантливо свои-
ми философско – юмористиче-
скими, лирико-юмористиче-
скими иллюстрациями молодой
ужгородской художник Андрей Гайдя.

«Круги на песке» – счастли-
вое достижение известного пис-
ателя, в то же время – и из-
дательства «Карпати», давше-
го им дорогу.

Можно было бы доискиваться в сборнике недостатков, как это принято в рецензиях. Тогда мы могли бы сказать, что книга не везде ровная, произве-
дения, написанные раньше, усту-
пают в ней по о